

Исповедь узницы

«Когда началась война, я была ещё маленькая. В школу не ходила, жили мы на 16-й линии Васильевского острова». Так начинает свой рассказ, названный ею «Исповедь узницы», наша землячка Галина Александровна Гичкина.

«Отец не вернулся с финской войны. Остался в памяти праздник, устроенный седьмого ноября для детей, чьи отцы погибли на финской войне. Всю жизнь помню забытое тогда на окошке пирожное. Мама работала в магазине на Большом проспекте. Жили мы на шестом этаже, и я хорошо запомнила зарево во всё небо, когда горели Бадаевские склады. В госпитале навещали маминого брата, раненного под Ленинградом.

Немцы уже бомбили город, и мы прятались в бомбоубежище. Сколько было страха, сколько слёз. Сидели, укутавшись в одеяла, и молились Богу, ожидая отбой воздушной тревоги. Добралась каким-то образом к нам в Ленинград моя тётя. Переждав с нами в убежище один из налётов немецкой авиации, сказала, что забирает меня в деревню Покровка. Там пока тихо. Мама собрала мои вещи, и мы с тётей отправились в деревню. Но до станции Антропшино мы не доехали, наш состав разбомбили немецкие самолёты. Люди бежали полем, кто куда, ползли, а сверху нас расстреливали с самолётов. Многие там остались навсегда. Нам повезло, и мы с тётей смогли добраться до Покровки. Связь ещё работала, мы смогли позвонить маме на работу.

Мама бросила работу, взяв буханку хлеба в дорогу, отправилась за мной. Навстречу ей шли наши солдаты, отступающие к Ленинграду. Ей говорили: «Куда ты, там уже немец!», а мама всё шла и шла. Я не помню, какое это было число, когда она в один из вечеров вошла к нам в дом». Нет, да и не может быть ни одного нормального человека, у которого не дрогнет сердце, читая вот такие воспоминания людей, чьё детство украла война. Деревню Покровку часто бомбили фашистские самолёты, обстреливали вражеские орудия.

«Мы сидели в окопах, спасаясь от страшной бомбёжки, а затем появились немцы, которые выгоняли людей из окопов и отправляли по домам», - пишет Галина Александровна. Не тот ли это был день 17 сентября 1941 года, когда 24 фашистских самолёта обрушили на Покровку, где тогда находился командный пункт 9 стрелковой дивизии, сотни бомб? Поле, вспоминают очевидцы, было усеяно мёртвыми нашими солдатами, попавшими под ураганный огонь. Может, и

останки солдат сорок первого года, погибших на поле между Покровкой и Антропшино, ныне тоже покоятся в братском захоронении.

«Вернулись мы к разбитому дому, снаряд попал в стену под окно, - продолжает свой рассказ Галина Александровна. - Вещи все были перерыты. Дядюшкин портрет, с орденом Красного знамени на груди, был разорван в клочья. Курей немцы утащили. К нам в дом переселили ещё три семьи с маленькими детьми. Мы с тётёй спали на русской печке, а мама с сестрой на кухне. Там стояла солдатская кровать. Немецкие солдаты зимой, в сильные морозы заходили в дом, раскрывали дверь и мы замерзали. Взрослых гоняли работать в карьер, где добывали материал для ремонта дорог». И снова рвущие душу детские слова о холоде и голоде. Про людей, которые «опухали от голода». «Весной собирали крапиву, пекли из хрена лепёшки. Они были горькие. Жить стало немного легче, когда пришли солдаты испанской голубой дивизии. Среди них были и коммунисты. Они получали хороший паёк, к жителям относились доброжелательно. Детей любили, иногда угощали конфетами. Из Испании им приходили посылки. Местные жители стирали им бельё, мыли полы. Они специально не доедали, оставляли в котелках еду для нас, детворы. На фронт они уезжали в сторону Пушкина и быстро возвращались с песнями, везли на телегах убитых. Чаще это были немцы.

Хоронили у дома, ставили берёзовые кресты. Когда стали наступать наши, мы тоже прятались в окопах. Часто огонь вели наши «Катюши». На станцию немцы пригнали состав для скота, жителей со всех окрестных деревень загрузили в вагоны и привезли в город Псков. Разместили нас в домах местных жителей, спали все на полу, на соломе. Взрослых гоняли рыть окопы, ремонтировать дороги. Иногда из леса приходили в дома за едой партизаны. Если их задерживали, то вешали вместе с хозяевами дома». Вскоре фронт стал приближаться и к Пскову, наша армия продолжала освобождать родную землю. Узников снова загрузили в товарные вагоны, и следующая остановка была уже в Прибалтике, где часть семей с малыми детьми разобрали местные жители для работы на своих хуторах. «А нас повезли дальше, в Германию. В нашей семье было семь человек трудоспособных, немцам была нужна рабсила.

Помню, как проходили дезинфекцию в бане. Тело намазали чем-то щипающим, особенно там, где растут волосы. Всем взрослым надели на шею бирки с номерами, на одежде была пришит кусок ткани с надписью «ОСТ». Сильно наказывали, если такой надписи не было. Привезли нас в концлагерь города Потсдам. Разместили в деревянные бараки, 24 отсека по четыре семьи в каждом отсеке. Спали на двухъярусных нарах. Лагерь был многонациональный.

Поляки, чехи, украинцы, белорусы и все жили в отдельных бараках. Кормили советских людей очень плохо, кашлица с червями. Остальные нации питались чуть лучше. Когда нас привезли, немки смотрели на нас, как на диких зверей. В Германии снега не было, а мы валенках с калошами, в тёплой зимней одежде. Грязные и голодные. Взрослых гоняли на работы под охраной конвоиров с собаками. Дети мыли полы, убирали территорию лагеря. Вскоре у всех завелись вши, по воскресеньям разбивались по парам и били вшей друг у друга. Очень много было гнид и на одежде, и на теле. Швы на одежде парили утюгом. Немцы боялись заразиться тифом, поэтому разрешали нам мыться и стирать бельё. Мылись в огромной прачечной, в бараках делали дезинфекцию. Запах был невыносимый. Часто у забора из колючей проволоки появлялись русские эмигранты, покинувшие страну после революции. Перебрасывали нам через забор одежду. Однажды мне досталось платье для мамы. Ей совсем было нечего одеть. А на ногах у нас были деревянные колодки, которые сильно стучали, если попытаться бежать. За любую провинность били плёткой, увозили в другой лагерь, откуда уже никто не возвращался». Прошло время, и уже наша авиация бомбила город Потсдам. Город горел, узники прятались в подземных бункерах. Фашисты стали забирать детей у матерей, селить в отдельный барак. «Мама как-то смогла забрать меня к себе, было очень страшно».

Освободили нас в апреле месяце наши войска. Всех узников отправили в город Бунцлао, где был сборочный пункт для отправки на Родину. Разместили нас по немецким домам, назначили дежурных по каждому дому. Даже здесь уцелевшие фашисты могли убить. Взрослые работали на кухне, куда мы ходили обедать колоннами. Нас никак было не накормить, мы пристраивались к чужой колонне и ещё раз кушали. Наши освободители говорили: «Отъедайтесь здесь. Дома ждёт разруха и голод!». А нам так хотелось домой». Только спустя четыре месяца, в конце октября, наша героиня попала домой. Дом был разрушен. «Восстанавливать было некому: мужчины, мамины братья не вернулись с войны. В Ленинград мы уже не вернулись, остались жить в Покровке. Хоть и с опозданием, но я пошла в школу, в первый класс. Мама долго боялась, что её будут судить за самовольно оставленную работу в 1941 году, да ещё и в плену была. Работала она в карьере, строила дома в Коммунаре. Однажды рухнули строительные леса, мама потеряла зрение, а инвалидность не дали. Мне пришлось бросить школу и пойти работать. Дом восстановили только в 1954 году».

Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 9 (804) 28 февраля 2018 г